Литература

1. Рывкина Р.В. Экономическая социология переходной России. М., 1998.
2. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформаций. М., 2004.
3. Шабанова М.А. Проблемы встраивания рынка в неразвитое общество // Социологические исследования. 2005. № 12.
4. Пивоваров И.В. Управление инновационным развитием: инновационная региональная экономика и политика / Инновации. Инвестиции. Технологии. Ростов н/Д: ИУБиП, 2011.
5. Алексеева О.В., Симакина Н.В. Страхование в России: функции и экономические интересы субъектов / Мировой кризис и перспективы российской экономики в условиях глобализации: сб. науч. ст. по материалам 1-й Междунар. конф., г. Новочеркасск, 18 мая 2011г. / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ).- Новочеркасск: ЮРГТУ,2011.
6. Понеделков. А.В., Кузина С.И. Особенности трансформации гражданской идентичности в российском политическом процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Научно-теоретический журнал. 2013. № 1(23).

УДК 314

Фидарова И.Б.

Демографическая ситуация в Северной Осетии в 20-е гг. (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.)

В статье дана характеристика особенностей демографической ситуации в Северной Осетии на основании материалов Всесоюзной переписи 1926 г., выявлена взаимосвязь социально-экономических и демографических процессов.

Ключевые слова: СССР, Северная Осетия, демографическая ситуация, перепись населения, крестьянство, социально-экономические процессы, гражданская война, семья, половой состав, возрастной состав.

В истории отечественного крестьянства первая половина 1920-х гг. была временем глубоких перемен. Общей их тенденцией стал подъем сельскохозяйственной отрасли на основе нэпа. Для периода нэпа в условиях сложившегося сочетания рыночных и планово-директивных принципов управления особый интерес представляет взаимосвязь социально-экономических и демографических процессов. Исследование этой проблемы – одно из приоритетных и чрезвычайно слабо разработанных направлений историографии применительно ко всей советской эпохе [1, с. 84]. Цель данной статьи – изучение комплекса вопросов, связанных с демографической ситуацией в Северной Осетии на материалах Всесоюзной переписи 1926 г.

17 декабря 1926 г. прошла Всесоюзная перепись населения, которая наглядно представила социально-демографический состав населения СССР. Эта акция была хорошо подготовлена, ее программа стала предметом специального обсуждения на Всесоюзной статистической конференции, состоявшейся в 1925 г. [2, с. 16]. Основными переписными документами являлись личный листок и семейная карта. Личный листок содержал свыше 20 вопросов, в том числе: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, народность, язык, место рождения, род занятий и т. д.

Исследование материалов переписи 1926 г. по Северному Кавказу показало, что демографическая ситуация в национальных автономиях региона в 20-е гг. имела свою специфику. За период с 1897 по 1926 г. увеличение населения произошло в Осетии в 1,5 раза, в Чечне – в 1,6 раза, Кабардино-Балкарии – в 2,1 раза. Хотя национальное

крестьянство всегда отличала высокая рождаемость, кризисные политические и экономические явления отрицательно влияли на демографическую ситуацию. Падающая рождаемость, мобилизация мужчин рабоче-активного возраста привели к изменению половозрастной структуры семей. В 1920- 1921 гг. проводились выборочные обследования сел Осетии. Оказалось, что в 45% осетинских семей отсутствовали мужчины, в 17,4% – имелись мужчины рабоче-активного возраста, в 14,6% – преобладали мужчины пожилого и старого возрастов [3, с. 101]. Росло число неполных семей.

Однако, по свидетельству посемейных обследований 1924- 1926 гг., в эти годы начался процесс компенсаторного воспроизводства, когда естественный прирост составил 35%, т. е. приблизился к довоенным показателям. Это существенно изменило демографическую картину, что нашло отражение в переписи 1926 г.

В 1926 г. численность населения Северной Осетии составила 152435 чел. Размещалось оно в 288 населенных пунктах, в среднем по 523 жителя в каждом [4, с. 27]. Последнее обстоятельство имеет большое значение, ибо преобладающие по числу жителей размеры населенных мест создают известные предпосылки экономического и культурного развития.

По данным предыдущих переписей (1897 и 1920 гг.), было установлено, что на Северном Кавказе, являвшемся колонизуемым регионом, численно преобладало мужское население [5, с. 37]. Переписью 1926 г. зафиксированы изменения, которые произошли в Северной Осетии в результате первой мировой и гражданской войн, голода 1921-1922гг., а также миграционных и урбанизационных процессов. Если в 1920г. коэффициент феминизации составил 999, то в 1926 г. – 1014. Это свидетельствовало о сокращении числа мужчин, нарушении половой структуры населения.

Сама по себе половая структура населения дает мало информации исследователю. Если же на нее спроецировать возрастную шкалу, то многое проясняется. Переписью 1926г. зафиксировано повышение рождаемости, что явилось следствием компенсаторного процесса, связанного с окончанием войн, относительным благополучием в крестьянском хозяйстве. Так, среди детей до 14 лет удельный вес послевоенных поколений составил среди ингушей 43%, казачества 40,5%, осетин 43,0 %. Однако эти показатели ниже предвоенных на 25%. Значительное сокращение количества детей происходило в возрастных когортах, родившихся в годы войны: у казачества удельный вес этих групп составил 25,0%, осетин – 22,1%. Предвоенные данные по аналогичным детским возрастам превышают указанные в 1,5 раза.

В период 1924-1926гг. прирост населения равнялся 2,09% – 2,4%, т. е. на каждую сотню людей рождалось на два человека больше, чем умирало. Установленные по материалам переписи возрастные группы в структуре крестьянского населения имеют большое значение. Если условно разделить возрастные категории на четыре группы: 1) 0-19 лет, 2) 20-39 лет, 3) 40-59 лет и 4) 60 и старше, то представительство этих групп в общем населении будет выглядеть следующим образом: удельный вес первой группы 55,6%, второй – 25,9%, третьей – 11,5% и последней – 6,7%. Первая группа (годы рождения 1907-1926) в годы войны была в младенческом и детском возрастах и принимать участия в боевых действиях не могла. Часть третьей и четвертая категории ввиду преклонного возраста также в массе своей не принимали участия в военном противостоянии. И только вторая группа и часть третьей были активно вовлечены в военные конфликты. Именно на их долю и пришлись наибольшие потери. Анализ показал, что в 1926г. «демографическая яма» наблюдалась в следующем ряде мужских возрастных групп: 29, 33, 37 и 41 год.

Налицо преобладание детской группы, что свидетельствует о репродуктивном поведении населения. Обращает на себя внимание высокий процент детей, родившихся после окончания гражданской войны (15,1%).

Значительное сокращение удельного веса наблюдается в возрастных группах 5-15 лет (т. е. родившихся в годы войны). Произошла деформация и в рабоче-активных группах.

«Демографическая яма» захватила возрастные группы 20-29-летних. Много молодежи, чье детство и юность пришлись на военные годы, к 1926г. они вступили в репродуктивный и рабоче-активный возраст.

Не только гражданская война повлияла на деформации в некоторых возрастных группах. Переписью 1897г. была зафиксирована малая численность детей до одного года, которым к 1926 г. исполнилось по 29 лет, т. е. в этой возрастной группе наблюдается «демографическая яма», которая неизбежно привела во второй половине 20-х гг. к «демографическом у эху» – воспроизводство этой когорты было крайне низким. Так что рабоче-активная часть населения Северной Осетии оказалась подвержена негативным последствиям. Наблюдается и последовательное сокращение старших возрастных групп. У осетин в старших возрастных группах резко сократилось количество 75-79-летних.

Из анализа данных следует, что в первой половине 20-х гг. состав работников пополнился за счет лиц, родившихся в 1907- 1910 гг., а во второй половине 1920-х гг. в активный трудовой возраст вошли лица 1911-1915 гг. рождения. Следовательно, уже к концу 20-х гг. рабочий состав деревни должен был испытать на себе последствия низкого прироста («демографическое эхо»), отмечавшегося в 1915-1922 гг. Но особенно эти последствия сказались в первой половине 30-х гг.

С возрастной структурой прямо связана характеристика народнохозяйственной деятельности населения. Под термином «занятие» в инструкции предусматривалось два значения: профессиональное дело и дело, приносящее доход. В переписи учитывалось как основное, так и побочное занятие, приносившее материальные выгоды. Последнее обстоятельство особенно важно, так как в демографической статистике принято определять количество самодеятельной и несамостоятельной части населения. Соотношение между ними является важным показателем экономического благосостояния страны. Самодеятельное население Северной Осетии в 1926г. составляло 75,5% (по стране 61,4%). Примечательно и то, что в разряд самодеятельного населения попало больше половины женского населения. В переписи 1926 г. это обстоятельство отражено впервые.

Возрастные рамки рабоче-активного населения довольно широкие. К само-деятельному населению перепись 1926 г. отнесла работающих с 10-летнего возраста. Помимо этого, было зарегистрировано около 25 % детей младше 10 лет, которые также были причислены к самодеятельному населению. В трудовой жизни участвовали и старики.

Большое значение для демографических исследований имеет характеристика семейно-брачных отношений [6, с. 18], где к 1926 г. произошли изменения. По данным переписи, в Северной Осетии на 100 жителей приходилось холостых мужчин 29,1%, женатых – 66,9%, вдовцов – 3,3%, разведенных – 0,4%. У женщин данные несколько иные: незамужних – 22,3%, замужних – 59,4%, вдов – 17,1%, разведенных – 0,9%.

При сопоставлении категорий семейного состояния по полу выделяются следующие закономерности: во-первых, удельный вес незамужних значительно меньше, чем холостых, во-вторых, удельный вес вдов превосходит удельный вес вдовцов, что свидетельствует как о существенной разнице в возрасте супругов (в среднем 10-15 лет), так и низкой продолжительности жизни мужчин. Этими общими коэффициентами определяется не только специфика состояния семейного положения, но и намечаются те категории населения, за счет которых среди взрослого населения слагается преобладание женского состава: оно построено на резком преобладании числа вдов.

Существенной характеристикой демографической ситуации является смертность населения. Глубокие изменения претерпело содержание понятия «смертность». В дорево-люционной России смертность характеризовала патриархальный тип воспроизводства населения: преобладала смертность, обусловленная экзогенными факторами, с высоким уровнем в детских и зрелых возрастах и низкой продолжительностью жизни. Касаясь непосредственных причин смертности населения, следует отметить, что наибольшее число

людей в Осетии умирало от сердечно-сосудистых, паразитарных и инфекционных заболеваний. Вероятность умереть от неестественных причин у мужчин региона в 4,5 раза превосходила соответствующую величину для населения других регионов. Для женщин соответствующая вероятность была на 40% выше, чем для населения других районов.

Голод 1921-1922 гг. и длительное недоедание ослабили естественные защитные функции организма. Антисанитарные условия существования людей, почти повсеместная завшивленность, интенсивные миграции не могли не вызвать рост инфекционных заболеваний, которые вскоре переросли в эпидемии, бывшие во все времена постоянным спутником голода. Осетию захлестнула волна желудочно-кишечных болезней (колит, энтероколит, гастрит, диарея), болезней органов дыхания (воспаление легких, бронхит, туберкулез), детских инфекционных заболеваний (коклюш, скарлатина). В советский период возникли условия для успешной борьбы с наиболее опасными экзогенными факторами смерти. Советское правительство прикладывало много усилий для перелома ситуации. В первые годы изменилось медицинское обслуживание – были заложены основы советской системы здравоохранения [7, с. 128]. Наркомздрав РСФСР направил в Горскую республику 2000 пудов медикаментов и медицинского материала и два санитарных автомобиля [8, Л. 250]. Стала увеличиваться средняя продолжительность жизни (у мужчин – 36,3 лет, у женщин – 32,2).

Таким образом, демографическая ситуация в Северной Осетии имела в 1920-е гг. свою специфику. Прежде всего, следует отметить, что по-прежнему наблюдается высокая рождаемость, хотя количество младенцев постепенно сокращалось. Напоминали о себе последствия войн, голода 1921-1922 гг., которые существенным образом изменили половозрастные характеристики населения, создав «демографические ямы», которые имели следствием падение удельного веса рабоче-активного населения в Северной Осетии. Если до войны коэффициент феминизации не превышал по региону Северного Кавказа 0,7-0,8, то по данным переписи 1926г., в Осетии он составил 1,3. Это свидетельствует о сокращении мужского населения. Немаловажным фактором, повлиявшим на демографическую модель осетинского традиционного общества, следует считать вовлечение женщин в общественное производство. Большевистская идея раскрепощения женщин-горянок повлекла за собой качественно новый этап в меняющемся статусе женщины в обществе. Еще нагляднее многие негативные демографические процессы проявились в конце 1920 – первой половине 1930-х гг.

Литература

1 Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.

3. Хубулова С.А. «Неудобный класс»: социально-экономические и этно-демографические процессы на Северном Кавказе в 1920-х гг – Владикавказ: СОГУ, 2003.

4. Гозулов А.И. Морфология населения. Ростов н/Д, 1929.

5. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. СПб: БЛИЦ, 1996.

6. Хубулова С.А. Некоторые проблемы этнографии и исторической демографии крестьянства Северного Кавказа // Известия вузов. Северокавказский регион. 2003. №1.

7. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – XX). Армавир, 2006.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф 1318. Оп. 1. Д. 240.